

Встреча по просьбе читателей

АЛЕКСАНДР МИНДАДЗЕ:

«МНЕ КАЖЕТСЯ, МЫ НАШЛИ БЫ
ОБЩИЙ ЯЗЫК С БУНЮЭЛЕМ...»

Ж.н. обозрение. — 1994, — 5 апр. (№ 14). — С. 8.

Перед беседой мы раскрыли энциклопедический словарь «Кино» (М., 1986) и прочитали: «...Сценарии Миндадзе посвящены морально-этическим проблемам современности. Миндадзе привлекают характеры людей, осознающих нравственный долг и ответственность перед окружающими...»

Дальше шел перечень фильмов, хорошо известных, виденных-перевиденных...

«Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет», «Плюмбум...».

Знаменитого «Слуги» с Олегом Борисовым не упоминалось: он вышел позже.

— Александр Анатольевич, как вы относитесь к тому, что вам дана такая казенная характеристика?

— Наше киноведение было весьма заскорузлым (словарь-то вышел в середине восьмидесятых!) и состоял из определенных клише и блоков. Такими общими формулами предпочитали писать о любых фильмах, будь то Герман, Тарковский и т.д. Упомянутые вами слова — каждыйдневный лексикон наших критиков, тем более уместный для взятого вами издания. Это ни о чем не говорящий стандарт: «разрабатывает тему нравственных и духовных поисков героя...» Типичное объяснение Госкино. Между прочим, в те годы такие клише нас устраивали: за ними мы могли прятать то, что мы пытались прятать. Нам было выгодно, чтобы Госкино писало таким казенным языком. Другое дело, что все это перешло в журналистику. Ленивые люди, которым было недосуг писать живым языком, писали именно так.

— Вы говорите: «могли прятать». А было, что прятать?

— Я надеюсь, что было. Хотя мы не стремились именно к этому. Но каждый раз была балансировка, были игры с Госкино. Они прекрасно понимали, что мы их понимаем. При таком взаимном понимании мы где-то в чем-то уступали, хотя потом ничего и не делали, они в ответ кивали... Только в таком консенсусе (как теперь говорят) можно было бесконфликтно пройти эту фазу, сохранить что-то важное в кино за счет и бесконфликтности, актерского мастерства в жизни. Если человек вставал в конфликтную позу, то ничего, кроме купюр, он не получал. История потерь советского кинематографа, наверное, на 80 процентов состоит из плохих характеров его создателей...

— Боюсь, многие ваши коллеги по цеху не поймут вас... А кто-то назовет это принципиальностью.

— Я веду счет по художественному результату... В период перестройки — это было уже давно! — я входил в комиссию, которая смотрела фильмы, лежащие на полках. Оказалось, что искусства там было гораздо меньше, чем ожидалось. Эти фильмы были запрещены неизвестно зачем и за что, а главное — за какие грехи? Наверное, именно за то, что их создатели проявляли свою строптивость, вместо того чтобы играть в предложенную игру — и делать свое. Они предпочитали противостояние в лицах, но в резуль-

тате не сохраняли свою картину...

Впрочем, я далеко ушел от вашего вопроса: казенный пыльный язык о кино ушел из аннотаций редакторы Госкино и перекочевал в энциклопедию. Сейчас создаются новые энциклопедии по кино, в них участвуют другие люди, они пишут более живо.

— Вас не привлекали к такому рода работе?

— Нет. Я как-то вообще стараюсь не привлекаться никуда.

— А если бы вам предложили написать для такой энциклопедии статью о Миндадзе, какие бы вы нашли слова?

— Не нашел бы никаких. Говорю искренне, без кокетства. Это совершенно другая профессия.

— Вы изначально работаете в тандеме Абдрашитов — Миндадзе, пишете для одного режиссера. Если бы вам предоставилась возможность поработать с классиком кино, кого бы вы выбрали?

— Это вопрос не совсем простой, потому что у меня нет никакого пренебрежения к классикам, разве что — к тем, кто сознательно всю жизнь создавал клякву, неправду. Существуют мастера. Трудно обвинить Райзмана в особом стремлении к конъюнктуре, он всегда пытался делать кино о человеке. Барнет жил в иные времена, но его фильм «Окраина» замечателен и сегодня... Язык кино меняется со временем. Классик кино, в отличие от классика литературы, изъясняется на языке кинематографа своего времени. Сейчас язык кино двинулся вперед, и мне было бы трудно работать с тем языком кинематографа, который ныне сделался классикой. Вот и все.

— Разрешите скорректировать вопрос: бывает, человек кланет время за то, что оно развело его с тем человеком или той ситуацией, которая ему представляется пленительной, оптимальной — как хотите. Скажем, кому-то очень хотелось бы оказаться в Серебряном веке нашей поэзии, поболтать в каком-то декадентском салоне Петербурга с Ахматовой, Гумилевым, Кузминым. Ну, может быть, даже не поболтать, а посидеть — послушать... Согласитесь, узнавать об этом из книг той же Одоевцевой — одно, а быть свидетелем — другое... С кем бы вам хотелось пообщаться из великих, ушедших уже в мир иной?

— Есть классики кино — типа Бунюэля. Мне кажется, мы бы нашли с ним общий язык, то есть он нашел бы общий язык со

мною, поскольку я не могу причислять себя к равновеликим величинам...

— Писали ли вы сценарий фильма в расчете на определенного актера?

— Никогда не мог себя заставить писать «на определенного актера», хотя понимаю, что на Западе такой метод (в большей степени — коммерческий!) и существует: например, писать для Николсона, который, скажем, в последнем фильме принес миллиардный доход...

— Это не только коммерческий метод: например, вы просто влюблены в гений какого-то актера...

— Я всегда исповедовал другой подход: мне казалось, что герой, выраженный актером и входящий в мое произведение, приносит с собою шлейф — собственную личность. Таким образом он изменяет и видоизменяет тот характер, который я написал. Я больше дорожу «написанным характером», чем «характером актера». Впрочем, возможности в этом смысле у меня были: из фильма в фильм мы работали с Олегом Борисовым. Но получилось так, что не я «шел от него», а он приходил и невероятно обогащал то, что я написал.

— Кажется, в ваших фильмах (пусть это будет субъективным мнением рядового зрителя!) Олег Борисов создал свои лучшие роли: «Остановился поезд», «Парад планет» и, наконец, — «Слуга»...

— Это уникальный актер, который всегда добавляет свое к написанному сценарию. Обычно хороший актер эксплуатирует роль на 70 процентов... Олег же каждый раз «дописывает». Не то что он сидел за машинкой или с ручкой и бумагой... Нет, он дописывает на экране чисто интуитивно тот тип, тот характер, те социальные признаки,

которые сценарист имел в виду и, может быть, даже не выразил. Например, в фильме «Остановился поезд» он не только абсолютно вписался, но и сделал роль богаче, чем было у меня в сценарии.

— Не будем вас спрашивать, как вы относитесь к редакторам кино... А если редакция исходит от актера или режиссера, не бывает ли ущемленного авторского самодлюбия?

— Мне не знакомы в большой степени эти чувства. Если мне предлагают что-то разумное, глупо этим не воспользоваться. Другое дело, что такое бывает редко. Впрочем, если работаешь с Борисовым, то его предложения каждый раз — все попадают в десятку!

Что же касается режиссера, то все вопросы решаются в процессе обсуждения режиссерского сценария. Мы сидим довольно долго, проигрываем все варианты. Побеждает разум.

— Сложился стереотип тандема: режиссер со сценаристом ладят, как кошка с собакой...

— Да, обычно режиссер снимает то, что хочет. Но потом за это дорого расплачивается, вызывает автора, когда спасти картину уже невозможно: «Сведи сюжет!..» А тот в ответ: «Лето прошло, а ты не снял летнюю сцену...» — «А мне она показалась хреновой, зачем я ее буду снимать?..» и т.д.

— И начинают на снегу вырашивать летнюю травку?..

— Толковый режиссер не ругается с автором, а пытается выжать его на все сто, как, впрочем, и оператора, редактора, любого создателя фильма. Он хочет от всех получить пользу...

— Какой из ваших фильмов вам наиболее дорог?

— Каждый по-своему. Каждый фильм — это кусок жизни. Я привык участвовать в процессе кино плотно, что, в общем-то, не типично для других сценаристов: написал сценарий — и дело в шляпе! Я участвовал в съемках, потому что это был своего рода театр с актерами. Я пытался жить при создании фильма. Поэтому как и каждый кусок жизни, оставшийся в прошлом, любой мой фильм мне дорог в достаточной степени. А если брать результат, то, конечно, есть фильмы, которые нравятся больше или меньше... Но за каждым фильмом стоит жизнь.

— Обычно у каждого писателя есть полочка, где стоят его собственные книжки. У вас, наверное, это полочка с кассетами видеофильмов?

— У меня есть свои книжки, выпущенные издательством «Искусство»: сборники сценари-

ев, а также моя «персональная» книжка с 8 сценариями, написанными, я смею надеяться, как литература — где-то более совершенно, где-то менее совершенно (учитывая, что это сценарии разных лет, начиная с семидесятых годов). «Искусство» успело выпустить такой сборник киносценариев. Сейчас такого бы не произошло...

Книжку расхватали. Говорю об этом не только потому, что это моя книжка и в ней — сценарии известных фильмов типа «Плюмбум...» Книжки других сценаристов также все расхватывались мгновенно, их не достать...

— Это, наверное, одна из приятных загадок, которые всегда умела загадывать Россия и ее народ.

А какая книга сейчас лежит раскрытой на вашем столе?

— Платонов!

— Странное дело: когда мы спрашивали о том же Сергея Красавченко, оказалось, он тоже читает Платонова... Вы все сговорились, что ли? Или... Платонова же очень трудно читать: плотно, густо написано. Две страницы прочел — и уже устал!

— Безусловно. Тем не менее читаю Платонова. И цели у меня здесь совершенно прикладные: дочь хочет экранизировать один рассказ Платонова (она учится во ВГИКе) и попросила меня как бы сверить впечатления. Я ей сказал, что Платонова читать очень трудно, а экранизировать просто невозможно: писатель на экране может существовать только эквивалентно...

— Дочь в ответ не обозвала вас ортодоксом?

— Промолчала. Тем не менее перечитываю сейчас рассказы Платонова, прочитанные мною очень давно, и испытываю колоссальный внутренний подъем. Совершенно замечательный писатель!

— В заключение вопрос о круге вашего чтения.

— Круг моего чтения — самый обычный: читаю разные журналы, иногда открываю классику: Чехова, Толстого, Достоевского... В разные минуты жизни у меня к ним разные пристрастия. Иногда необходимость возникает и в первом, и во втором, и в третьем... Этот круг писателей меня внутренне очень поддерживает...

Беседу провел
Александр ЩУПЛОВ
при участии
Александра ФИНАЕВА.